

6. Бургамістры неадкладна павінны паклапаціцца аб тым, каб усе жыхары былі забяспечаны адпаведнымі дакументамі, якія засведчаюць іх асобу: прозвішча і імя, час і месца нараджэння, месца жыхарства, склад сям'і, прафесію, прабыванне і род заняткаў, сацыяльнае паходжанне, веравызнанне, нацыянальнасць, пададанства.

7. Бургамістры прыцягваюць да адказнасці вінаватых за ўчыненыя акты сабатажу ў доверанай ім воласці. Яны павінны ўсімі сродкамі прадухіляць акты сабатажу. У іх абавязкі ўваходзіць ахова прадпрыемстваў, размешчаных на тэрыторыі воласці, асабліва жыццёва важных.

8. Бургамістраў і іх намеснікаў у населеных пунктах, якія налічваюць да 20 000 жыхароў, прызначае мясцовы камендант, а ў населеных пунктах, у якіх звыш 20 000 жыхароў, прызначае камендант палявой камендатуры.

II. Аб забароне пакідання кватэр у начны час

1. У перыяд з 21.00 да 5.00 раніцы насельніцтву забараняецца пакідаць кватэры.

2. Выключэнні дапускаюцца па пісьмовым дазvole мясцовага каменданта для асоб, якія працуюць у начны час на жыццёва важных прадпрыемствах, дактарамі, акушэркамі, на машынах хуткай дапамогі.

3. Парушальнікі будуць найстражэйшым чынам пакараны мясцовымі камендантамі. Дапаможнымі мерамі пакарання могуць быць часовы арышт з абмежаваным харчаваннем, насільнае затрыманне і прыцягненне да працы.

III. Адметныя знакі для яўрэяў і яўрэск

1. Усе яўрэі і яўрэйкі, якія знаходзяцца на занятай рускай тэрыторыі і дасягнуўшыя 10-гадовага ўзросту, неадкладна абавязаны насіць на правым рукаве верхняга адзення і сукенкі белую паласу шырынёй да 10 см з намаляванай на ёй сіянісцкай зоркай або жоўтую павязку шырынёй да 10 см.

2. Такімі павязкамі забяспечваюць сябе самі яўрэі і яўрэйкі.

3. Яўрэяў катэгарычна забараняецца вітаць.

Парушальнікі будуць найстражэйшым чынам карацца мясцовым камендантам на месцы жыхарства.

VIII. Стварэнне дапаможнай паліцыі

1. Для правядзення паліцэйскіх мер бяспекі бургамістрам даручана прыцягнуць у дапаможную паліцыю надзейных «фольксдойчэ», беларусаў, а калі такіх няма, тады палякаў, і выкарыстоўваць гэту паліцыю са згоды начальнікаў каманд паліцыі бяспекі.

2. Служачыя дапаможнай паліцыі, якія працуюць у цесным кантакце з мясцовымі айнзацкамандамі паліцыі бяспекі і СД, могуць падтрымліваць сувязь толькі з мясцовымі начальнікамі паліцыі бяспекі і СД або прызначанымі імі органамі.

3. Служачыя дапаможнай паліцыі носяць белую нарукаўную павязку з надпісам «Дапаможная паліцыя».

4. Мясцовыя камендатуры да 20-га чысла кожнага месяца, а ўпершыню да 20.7.1941 года, паведамляюць пра колькасць і ўзбраенне дапаможнай паліцыі.

Камандуючы тылам групы армій «Цэнтр»

генерал пяхоты Шэнкендорф.

Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 4683. Воп. 3. Спр. 95. Л. 1, 2, 4-5.

У мяшку з калючага дроту

З успамінаў І. Якаўлева, г. Смаленск

Привезли нас в Кричев в лагерь. Немец открыл задний борт автомашины, мы сошли и он повел нас на кухню. Словами и жестами сказал повару

сколько чего выдать. Мы получили каждый по триста граммов хлеба и по полтора литра баланды. На этот раз баланда была с картошкой, хотя невкусная, без соли, но пригодная к

употреблению. Вышли из кухни, он нас отвел в двухэтажный дом и поместил на второй этаж в большую комнату. Нас было двадцать человек.

Прошло пять суток. Выпал снег, была оттепель. Нас построили в колонну. Всего в лагере было не более двухсот человек. Полицаи привели пленного, в шинели, без головного убора, и поставили перед колонной на расстоянии примерно тридцать метров. В это время подошло около 15 молодых немецких солдат с автоматами, стали между колонной и одиноким человеком, и начали бросать снежками в голову пленного. При каждом попадании в его голову фашисты радостно кричали.

Мы в колонне стали возмущаться.

— Стоять спокойно! — послышался голос майора из колонны. Я посмотрел и увидел, что мы были окружены фашистскими автоматчиками. В колонне все стояли так тихо, что было слышно биение сердца, а в жертву аккумуляторы все бросали и бросали снежки. Пленный упал, на него набросились с диким криком убийцы, засыпали снегом, топтали ногами. Наиздевавшись, фашисты ушли.

Я посмотрел по сторонам и обратил внимание, что на вышках было по два пулеметчика, охранявших лагерь. «Будем потихоньку расходиться, чтобы не вызвать на себя огонь с вышек» — сказал майор. Потихоньку шагом разошлись на свои места.

На следующий день мы заметили в окно, что полицаи по одному пленному водят в комендатуру. После обеда забрали меня и еще двух. Привели в комендатуру и стали в лупу рассматривать рукава шинели и рубашки. Я не понимал, что они ищут. После тщательного осмотра рукавов, измерили

сантиметром мою голову во всех направлениях. Спросили фамилию дедов по отцу и матери. Я сказал, что Яковлевич по отцу, Егорович по матери. Переводчик доложил немцу. «Век!» — сказал немец. Меня отпустили. Вслед за мной пришли двое, которые были взяты вместе со мною. Позже стало известно, что комиссаров по рукавам ищут, если бы были звезды, следы остались. По черепу головы евреев опознают, у них есть такая наука.

Возвратившись с завтрака в свою комнату на следующий день, мы увидели на стене портрет Гитлера. Один из пленный спросил: «Это кто?» — «Гитлер» — ответил человек, которого до этого не было с нами. Я, возможно и другие, не придали никакого значения появлению одновременно двух новых людей и портрета Гитлера. Постепенно завязался разговор про Сталина и Гитлера. О Сталине говорили скромно, Гитлера те двое хвалили и сравнивали с Наполеоном и даже ставили его в полководческом искусстве выше.

— Победит тот, у кого солдаты более морально устойчивые, кто борется за свою Родину, — ввязался я в разговор. — Русский солдат победил французов и ничего Наполеон сделать не смог. Так и Гитлер.

— Ты уверен, что русские победят?

— Да! — ответил я.

Полемика продолжалась спокойно, в скромных выражениях.

Часа за два до наступления темноты мы получили чай и всех построили в колонну. Я выпил свой чай, стоя в строю. Пришли гестаповец, полицаи, переводчик и один из тех двух, что были в нашей комнате при разговоре о Сталине и Гитлере.

— Где он?— спросил полицей-переводчик у пришедшего с ними.

— Тот,— показал он на меня.

— Выйди из строя!— приказал мне полицей и указал место перед строем.

Гестаповец выступил с краткой злобной речью. Кто продал? За что? Я вспомнил, что в комнате появились два человека вместе с портретом Гитлера. Это были провокаторы. Гестаповец закончил речь. Переводчик перевел примерно так: «За оскорбление доблестной немецкой армии и оскорбление фюрера Адольфа Гитлера, повесить». И далее: «Господин капитан — человек очень гуманный, сочувствует русским пленным. Заменяет смертную казнь через повешение на заключение в мешок из колючей проволоки».

У меня опустились руки, ноги задрожали, на лице выступил холодный пот. Я стал совершенно безвольным и бессильным. Видел колонну людей в каком-то тумане. Меня взяли за руки и затолкали в мешок из колючей проволоки и закрыли дверцу мешка. Не

смотря на мой малый рост и истощенность мешок колол меня со всех сторон. Можно было стоять только строго вертикально, при малейшем движении проволочные колючки врезались в тело. Постепенно стало смеркаться. Подошел к мешку полицей-переводчик, открыл дверцу и выбросил меня из мешка. Кормили баландой — что-то вроде мутной воды с запахом гнилого картофеля. От истощения люди стали умирать. Начались волнения пленных. Однажды мы все вышли на улицу с криком: «Хлеба! Хлеба! Хотим кушать». В ответ с вышек раздались пулеметные очереди. Много было раненых, убитых. Потом к раненым подошел полицей и сказал: «Потерпите, скоро прибудет немецкая спецкоманда и окажет помощь». Действительно, спецкоманда прибыла на автомашинах. Всех раненных военнопленных они расстреляли. В Кричевском концлагере я пробыл 10 дней, потом меня отправили в Могилев.

З фондаў Крычаўскага раённага краязнаўчага музея.

Документы сведчаць

НЯМЕЦКА-ПАЛЦЭЙСКІЯ ГАРНІЗОНЫ

В городе Кричеве — немцев 250–300, полицейских — 350–400.

Цементный завод, фосфоритный завод и ж.-д. мост — 450–500 человек.

Задобрянский винзавод — немцев 150, власовцев — до 250.

Комаровка — 30 чел.

Юрковка — 20 чел.

Разъезд Осовец — до 30 чел.

Гарнизон охраны ж.д. в нас. пункте Павловичи — 25 чел.

Гарнизон по охране разъезда Малятичи и ж.-д. моста на р. Черная Натапа — до 45 человек.

Местечко Малятичи — немцев 120–150 чел.

Гарнизон по охране Земского хозяйства Залесовичи — 18–20 чел.

Приговка — 15 немцев.

Костюшковичи — 70 чел.

Баевка — 60 чел.

Торфзавод «Дорогая» — 15–20 чел.

Земхоз Низки — 18 чел.

Поклады — 30 чел.

Гарнизон полицейских по охране моста на шоссе Москва—Варшава на р. Добрасть, Свалковичи — 18 чел.

Хотиловичи – гарнизон по охране мостов через р. Сож, складов с боеприпасами и горючим в лесу около Прудка – 125 чел.
 Прохоровка ст. Кричев-2 – 150–170 немцев.
 Разъезд Михеевичи – 25 немцев.
 Торфзавод «Великий мох» – гарнизон 30 полицейских.
 Дяговичи – 30 полицейских.

Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 4332. Воп. 1. Спр. 1. Л. 25–26.

Падрыхтавала да друку Л.У. Ляховіч.

Дзяўчына ў лагеры смерці

Перада мной выдадзеная да Нюрнбергскага працэсу над фашысцкімі злачынцамі карта лагераў смерці ў Еўропе. Чорнымі кругамі на ёй адзначаны гіганцкія камбінаты смерці: Майданек, Бухенвальд, Маўтхаўзен, Равенсбрук, Асвенцым, Заксенхаўзен, Штутгоф... Побач ляжаць запісы з некаторымі імёнамі і маіх землякоў, якія былі ў лагерах смерці...

У вёсцы Сакольнічы ля Крычава жыў настаўнік Аляксандр Сяргеевіч Гурыновіч. У вайну ён кіраваў групай разведчыкаў і сувязных. Настаўніку дапамагалі яго вучні. Гурыновіча закатавалі гестапаўцы. Імем героя названа вуліца ў Крычаве.

Аднойчы, у пачатку акупацыі, Валя Свадкоўская спытала ў Гурыновіча:

— Што ж нам рабіць зараз?

— Чым можаш дапамагай Чырвонай арміі біць фашыстаў, набліжай перамогу.

Валя дапамагала палонным, расказвала аб пачутых навінах з фронту. А потым звязалася з групай партызан – маладых хлопцаў з вёскі Сакольнічы. Збірала звесткі аб руху фашысцкіх войск, перадавала партызанам вопратку, харчаванне.

Хутка Валя адчула, што за ёй сочаць. Трэба ісці ў лес. А як быць з мамай і двума малымі? Іх жа расстраляюць. 15

жніўня 1943 года ў дом уламіліся фашысты. Іх прывёў сын старасты з суседняга сяла Залесавічы.

Валя ні ў чым не прызналася. Яе прывезлі на станцыю Крычаў. Тут рыхтавалі эшалон для адпраўкі ў Германію. Пакутлівая дарога прывяла ў гарадок Дзершава, адтуль – у Данцыг, на танкавы завод. Пазнаёмілася з дзяўчатамі з Харкава – Дусяй Дэкала, Лідай Цеслер, Любай Панчанка. Працавалі побач і украінскія хлопцы Мікалай і Ваня. Хутка пасябралі. Разам выводзілі са строю станкі, на магчымасці рабілі бракованыя дэталі.

Адзін з вязняў, Косця, трымаў сувязь з воляй. Ён паведаміў: за каналам высадзіўся савецкі дэсант. Сувязь праз некалькі асоб, па ланцужку, была ўстаноўлена. Двойчы Люся Дэкала і Валя Свадкоўская ўпотаі ездзілі да канала, спрабуючы знайсці дэсантнікаў. Ад іх неўзабаве перадалі загад: завод узарваць. Узрыўчатка будзе дастаўлена. Неўзабаве была закладзена пад шэсць машын узрыўчатка. Трэба было камусьці ўключыць замініраваныя машыны. Валя сказала:

— Уключу я. Мне шаснаццаць гадоў, скажу, што нічога не ведала, што наогул мала разумею, бо з вёскі.

Назаўтра прыйшла ў цэх раней за ўсіх. Націснула на ўключальнік. Па-

чуўся аглушальны выбух. Дзяўчына кінулася бегчы. Але майстар дагнаў яе.

Пачаліся допыты ў гестапа. Валя гаварыла, што яна не разумее нічога. Адкуль яна магла ведаць, што машыны замініраваны? Яна з беларускай вёскі. Нечакана выклікалі на спатканне. Прыехаў яе дзядзька Аляксей Свадоўскі, які працаваў у баўэра, а з ім Дуся Дэкала, Ліда Цеслер і Люба Панчанка. Валя папрасіла сяброў больш не прыязджаць.

Месяц яе трымалі ў камеры-адзіночцы. Адказы ўсе тыя ж: расла ў дзіцячым доме, не ведала, што машыны замініраваны, што майстар злуе на яе і нагаворвае. І зноў свісцела плётка са свінцовым наканечнікам. Допыты, допыты праз дзень. Прыгавор суда: пятнаццаць гадоў лагера смерці. Так Валя аказалася ў Штутгофе, у жаночым палітычным блоку.

Жанчыны пакутвалі ад фашысцкіх наглядчыц. Аднойчы Валя, жорстка збітая, сказала ім адно слова:

— Ідыёты!

За гэта яна двое сутак прастаяла ў карцэры ў ледзяной вадзе.

У ноч перад 27-й гадавінай Вялікага Кастрычніка жанчыны спявалі «Інтэрнацыянал».

У навагоднюю ноч у палітычным жаночым блоку таксама заспявалі. Нечакана расчыніліся дзверы. На парозе стаялі гестапаўцы. Пачулася каманда:

— Выходзь!

На галовы зняволеных пасыпаліся ўдары палак.

— Хто першы заспяваў?

Маўчалі зняволеныя. «Усе спявалі». Тады іх павялі ў крэматорый. Адалі загад: калі праз дзве гадзіны не будуць выдадзены зачыншчыцы — усіх спяляць. Калі на плац вывелі ран-

іцай усіх астатніх зняволеных, яны заўважылі: жанчын з палітычнага блоку не было. Дзе яны? Адпраўлены ў крэматорый? Тады мужчыны з палітычных блокаў, і ў першую чаргу савецкія ваеннапалонныя, адмовіліся ісці на работы. Яны патрабавалі вызвалення жанчын. Фашысты былі прымушаны выпусціць іх.

Свадоўскай запомнілася такое. На месцы для публічных пакаранняў, агароджаным калючым дротам, стаяў савецкі воін. Відаць, афіцэр. На яго выпусцілі сабак. Сабакі рвалі яго цела, а ён адбіваючыся і трацячы апошнія сілы, крычаў:

— Таварышы! Змагайцеся за Радзіму! Не падайце духам! Перамога блізка! Бывайце! Біце фашыстаў!

У пачатку 1945 года ў тую ж загародку кінулі групу савецкіх дэсантнікаў, таварышаў загінуўшага героя.

У лагер прывезлі дзяцей савецкіх афіцэраў. Вязні ведалі, што ў дзяцей бяруць кроў. Агульны пратэст лагера быў настолькі ўнушальным, што фашысты павезлі дзяцей з Штутгофа. Цяжка забыць і дзень, калі ў лагер прывялі сто нямецкіх маракоў у ланцугах. За што іх кінулі ў лагер смерці? Гэтага не ведаў ніхто.

Аднойчы наляцелі самалёты саюзнікаў. Бомба трапіла ў жаночы палітычны блок. Больш палавіны зняволеных загінула. Валянціна была паранена ў нагу. У канцы красавіка вязняў Штутгофа выгналі з лагера пад канвоем. Параненых і хворых таварышы неслі на руках. Фашысты ўжо баяліся знішчаць іх. Пагрузілі на баржы. Без святла, без ежы цярпелі ў турме да 9 мая. А ў дзень перамогі караблі англійскай эскадры захапілі баржы і параход. У становішчы вязняў апынуліся эсэсаўцы-вартаўнікі...

...А Хрысціна Мартынаўна паведала нам аб тым, як да яе ў дом уварваліся пасля ўцёкаў палонных немцы. Пачаўся вобыск. Хрысціну Мартынаўну павезлі ў Крычаў у турму гестапа. Пачаліся допыты, здзекі. Маці, канешне,

не выдала ўцёкачоў. Яна мужна перанесла катаванні і дажыла да вызвалення, са слязамі на вачах сустракала савецкіх воінаў.

М.Ф. Мельнікаў

Няскораныя

З успамінаў Г.А. Храмовіча

ХРАМОВІЧ Георгій Антонавіч, нарадзіўся 22.11.1908 г. у в. Ахоцічы Кіраўскага раёна. Адзін з арганізатараў і кіраўнікоў партыйнага падполля і партызанскага руху на тэрыторыі Магілёўскай вобласці. У 1943–1956 гг. на партыйнай і савецкай рабоце. Аўтар кніг «Зарава над Сожам» (1971), «Тры партызанскія гады» (2-е выд. 1981). Памёр 5.3.1985 г.

Важное сообщение

— Товарищ командир! Старик сообщает, что в Черикове появилась какая-то группа. Вчера она давала концерт для немцев, а сегодня будет представление для населения, — доложил мне командир отделения разведки.

«Старик» — это подпольная кличка партизанского разведчика из города Черикова Василия Митрофановича Тилюны.

— Состав группы? Кто руководит?

— Численность неизвестна. Все русские. Кто руководит? А вот давайте посмотрим афишу.

Читаю афишу. Дирижер хорового ансамбля Геннадий Лузенин. Крупным шрифтом пишется ведущий солист Александр Окаемов. Русские классические и народные песни. Классические и народные... Дальше могут быть антисоветские песенки.

«Да, эти люди хуже полицаев. Те уголовники, хулиганы, разные антисоветчики и прочие нечисть. А эти? Это же артисты. Нет. Они уже на наши, если пошли на службу к врагу. Какая огромная пропагандистская сила эти артисты! Посредством искусства

они воздействуют на массы. Они имеют перед собой большую аудиторию. А это во сто крат опаснее, чем вооруженный враг. Артисты могут нанести больше вреда нам, чем полицейские, — думал я после такого неожиданный сообщения. — Надо принимать меры. Но какие? Стоп! Не горячись. Прежде чем прийти к окончательному решению, надо все хорошо обдумать, проверить, что это за люди. Может быть, эти артисты... Все может быть».

— Старику передай, чтобы он познакомился с артистами, узнал их настроение, кто они такие, как они очутились в тылу врага. Артисты — народ общительный, быстро пойдут на знакомство. Пусть Старик не выдает своих намерений, только изучает их и своевременно нас информирует.

Для выполнения такого задания одного источника мало. Попросил связную Софью Лукашенко срочно вызвать на явку разведчицу из Черикова Тонию — подпольная кличка учительницы Антонины Родионовны Зеленоковой.

Декабрь сорок первого... Зима вступила в свои права. В лесной части только одна наезженная дорога. Но по дороге днем не пойдешь. По ней часто ездят каратели. Надо идти лесом, снежной целиной. Снег неглубокий, но еще не улежался, мягкий. Идти тяжело. Ноги проваливаются, на обуви комья снега, а шагать километров восемь.

Через километр-два делаем остановки, чтобы не переутомляться. Вокруг лес. Тишина. Как будто нет войны. Только при малейшем дуновении ветра тревожно шепчутся вечнозеленые сосны и ели. Они маскируют и оберегают нас от врага.

Вот и «почтовый ящик» номер два, место встречи с Тоней.

— Что случилось? Почему срочный вызов?

— Ничего не случилось, понадобилась только ты.

— Я слушаю, товарищ Антонов.

«Антонов» — это моя подпольная кличка. Хотя, как нам стало известно, в комендатуре и СД знают, что Антонов и Храмович — одно и то же лицо.

— Тоня! Ты должна изучить состав хорового ансамбля, выступающего теперь в Черикове. Постарайся познакомиться лично с артистами Лузениным и Окаемовым. Что это за люди, как они попали сюда?

Скромный городок Чериков по немецко-фашистскому административному делению стал окружным центром десяти районов, в том числе Шумячского и Рославского Смоленской области. Гитлеровцы разделили на части нашу республику. Наши восточные районы не считают белорусскими.

— Кстати, ты сама была на концерте этого ансамбля?

— Да, была.

— Какое впечатление?

— Они выступают с русскими народными песнями и исполняют очень хорошо.

— Развлекаются сами и развлекают гитлеровцев. Так надо понимать? Фашисты, по видимому, используют их как своих пропагандистов. Посмотрите, мол, какие мы хорошие! Мы не против русской культуры. Мы лишь против коммунистов и евреев. Даже создали русский хоровой ансамбль. С нами сотрудничают лучшие деятели искусства...

— Мне трудно дать оценку всему этому, — сказала Тоня, — но я знаю одно, что честные советские люди не пойдут в услужение врагу, не продадут свою Родину.

Я попросил Тоню рассказать подробно о том, что она видела на концерте, какие исполнялись песни, как держались на сцене артисты. Антонина Родионова обстоятельно рассказала о своем впечатлении о концерте и артистах. В конце заметила, что Окаемов, по просьбе зрителей, дважды исполнил песни «Вечерний звон» и «Ермак». Почти все присутствовавшие в зале, слушая эти песни, плакали.

— Имей в виду, Тоня, что первое впечат-

ление может быть обманчивым, неправильным. Не все так просто, как представляется на первый взгляд. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что артисты — люди с повышенной чувствительностью, и, чего греха таить, среди них тоже есть аполитичные люди, которые ратуют за так называемое «чистое искусство», или «искусство ради искусства», считают, что искусство вне политики. С такими взглядами недолго переметнуться к врагу. В это трудное время мы не имеем права прощать даже малейшей ошибки, если она наносит вред нашему народу.

— Понятно, товарищ Антонов. Я постараюсь сделать все возможное, чтобы узнать побольше об этих артистах.

— Еще тебе, Тоня, одно важное поручение. Помнишь секретаря нашей районной газеты — Ивана Филипповича Денисенко?

— Как же, как же, хорошо помню.

— Денисенко теперь тяжело болен. Он вернулся из окружения. Проживает у своих родных в деревне Норки. Как только выздоровеет, он появится в Черикове, устроится на работу. Ты будешь связной между райкомом и ним. Забудь его имя, отчество и фамилию. Для тебя он Ион.

В конце беседы мы с Антониной Родионовой установили пароль, договорившись о запасном «почтовом ящике». Пожелали друг другу удачи.

Вскоре пришло сообщение от Старика. Василий Митрофанович передал, что ему удалось поговорить с Лузениным и Окае-

А.И. Акаёмаў.

Г.П. Лузенин.

мовым. Они произвели хорошее впечатление.

Их песни имели огромный успех у зрителей. В антрактах Александр Окаемов всегда выходит в зал. Этим и воспользовался Василий Тилюпа. Он пригласил Окаемова прийти к нему на квартиру.

Жена Василия Тилюпы Мария Даниловна создала уютную, непринужденную обстановку, приготовила скромный завтрак, какой позволяло военное время.

Александр Окаемов и Геннадий Лузенин пришли точно в назначенное время, к 9 часам утра. Мария Даниловна и Василий Митрофанович встретили артистов ласково и гостеприимно.

Большой жизнелюб, Окаемов очень быстро нашел общий язык с хозяевами. К тому же Мария Даниловна оказалась приятной собеседницей, ценительницей искусства.

Когда речь зашла о жизни на оккупированной территории, Окаемов переменялся в лице, а его друг Лузенин помрачнел. Используя возникшую паузу, Василий Митрофанович задал вопрос:

— Что вы, милые люди, думаете делать, чтобы изменить такую обстановку?

— Помогите нам связаться с партизанами или с подпольщиками, — в один голос заявили Окаемов и Лузенин.

— К сожалению, ничем вам помочь не могу, — ответил Василий Митрофанович.

Мария Даниловна с удивлением посмотрела на мужа. Она готова была признаться о своей связи с райкомом партии. Но Старик не имел права говорить артистам о своей принадлежности к подполью. Он должен был получить разрешение райкома партии на это.

Дня через три Тоня сообщила, что московские артисты (так их в Черикове называли) хотят встретиться с руководством подпольного центра.

Назначили дату и место встречи. В целях конспирации решили встретиться только с одним из них.

Свидание в лесу

Идя на встречу с артистом, я долго думал, в каком тоне с ним разговаривать и

какие вопросы задавать. Наконец решил — на месте будет виднее.

Артисты умеют перевоплощаться, могут сыграть любую роль. Лучше будет, не торопясь, выслушать его. Посмотрю, как он будет вести себя. Внимательно буду смотреть ему в глаза. Кто-то сказал, что глаза — это зеркало души. Буду смотреть в это зеркало, может быть, что-нибудь в нем увижу.

Встреча должна состояться в лесу, на левом берегу реки Сож, вблизи посёлка Лемень. Декабрьские дни очень коротки. Свидание назначено на двенадцать часов дня, с тем расчетом, чтобы артист и сопровождающая его Тоня могли возвратиться в город до наступления комендантского часа.

Партизанских разведчиков к месту встречи выслали рано утром, чтобы они прочесали окружающую местность, а затем повели наблюдение за дорогами. Мы боялись провокации или засады гитлеровцев. Вперед направили члена подпольного райкома партии Василия Щавликова с двумя партизанами. Я с группой бойцов остановился примерно в ста пятидесяти метрах от места встречи. Пусть Щавликов поговорит с артистом, посмотрит, как он будет реагировать на то, что вместо секретаря райкома пришел другой.

Пройдя восемь километров по бездорожью, мы изрядно согрелись. Теперь, топчась на месте, стали замерзать. За воротник, на лицо попадали холодные снежинки, сбрасываемые ветром с деревьев. Вспомнилась народная поговорка: ожидать и догонять хуже всего.

Наконец появился Щавликов. Он, как старый буденновец, во всем подражал Семену Михайловичу. Походкой, ну и, конечно, усами. С буденновским шлемом никогда не расставался. Теперь у него на лице была улыбка, левой рукой подкручивал усы.

— Ну и ну! Он действительно артист.

— Что он артист, это всем известно. Какое твоё впечатление — наш он человек или нет?

— Мне кажется...

— Казаться может всякое. Как он вел себя при встрече?

— Вел хорошо, как подобает советскому человеку. Но говорун большой. Окаемов его

фамилия. Начал рассказывать, как очутился в тылу врага, про кричевский лагерь военнопленных говорил, об истории создания ансамбля. Поэтому я и задержался так долго.

— Со мной он хочет встретиться?

— Да. Очень хочет. Они уже кое-что делают. Но всего я не дослушал.

— Давай, Василь, его сюда. А вы, хлопцы, — обратился я к сопровождавшим меня партизанам, — отойдите в сторону метров на тридцать и усилийте наблюдение.

Сам пошел навстречу артисту.

— Здравствуйте! — первым приветствовал Окаемов.

— Здравствуйте! Я вас слушаю.

Вот тебе и артист, а смутился. Окаемов, по-видимому, не рассчитывал на такой официальный тон с моей стороны. Возможно, подействовал еще и мой внешний вид. Правая раненная рука на подвязке. Улыбки на лице, конечно, нет. Ростом и шириной в плечах, как говорится, Бог меня не обидел.

— Я вас слушаю, — прерываю паузу, видя, что артист растерялся. — Вы хотели со мной встретиться. Говорите, зачем? — не сводя с него взгляда, продолжаю спрашивать, смотрю ему прямо в глаза.

Окаемов выдерживает взгляд, смотрит также прямо мне в глаза. Его лицо не меняется. Оно какое-то восторженное, по-детски любопытно. Впечатление благоприятное — так может вести себя и смотреть только человек с чистой совестью.

— Я именно и представлял вас таким, дорогой...

— Антонов, — подсказываю я. — А впрочем, теперь можете называть меня моей подлинной фамилией — Храмович. Но начинайте не с комплиментов.

— Хорошо, хорошо, товарищ Храмович. Этот день, вернее полдня, предназначался для встречи с артистом, и поэтому я не торопился, решил выслушать его до конца.

Александр Иванович Окаемов начал с того, как он и его друг Геннадий Павлович Лузенин очутились в тылу врага.

В октябре 1941 года фронтовой музыкальный ансамбль, находясь на передовой и переезжая с одного боевого участка на другой, неожиданно попал в деревню, заня-

тую немцами. Автомашина, влетевшая туда на полном ходу, не успела развернуться, и весь ансамбль оказался в плену. Потом они очутились в кричевском лагере военнопленных. Это был лагерь смерти. Мало кто остался там в живых.

Но советские люди, где бы они ни находились, всегда остаются верными своей Родине. С первых дней в лагере начала создаваться подпольная организация. Руководителями ее стали С.Г. Чистихин, А.П. Макаров, В.Г. Дубинин. Вошли в эту организацию Лузенин и Окаемов.

Поднять восстание, перебить охрану и таким путем вырваться из лагеря невозможно было. Побег часто приводил только к смерти. Гитлеровцы уже имели опыт, в каком месте создавать лагерь. Его разместили на территории цементного завода. Усиленно охраняли эсэсовцы с овчарками.

Уже в лагере Лузенин и Окаемов организовали своеобразный ансамбль, пели русские народные песни, чем морально поддерживали узников. Старинная русская песня «Вечерний звон», ария князя Игоря из оперы Бородина и другие в исполнении такого талантливого певца, как Окаемов, воодушевляли обреченных, звали к борьбе.

В лагере были установлены жесткие порядки. Они были направлены на физическое уничтожение военнопленных. Всех советских людей гитлеровцы считали «низшей расой», а себя «расой господ». С немецкой педантичностью и пунктуальностью они истребляли представителей «низшей расы» не только в концентрационных лагерях. Везде и повсюду, на каждом шагу, пытали и морили голодом, расстреливали и вешали, насиловали и травили в душегубках. Политработников Красной армии, партийный и советский актив уничтожали сразу же, в первые дни оккупации.

Верным выходом, чтобы остаться живым, избежать медленной и мучительной смерти в лагере, была возможность пойти работать к немцам: уехать в Германию или поступить в полицию. Но пойти на эти условия значило стать изменником Родины, предателем. И все те, кто дал согласие пойти на службу к немцам с целью впоследствии перейти на сторону партизан, осущес-

ствили свои намерения. Правда, не всем удалось сбежать. При первом подозрении их расстреливали.

Как раз в это время, когда Лузенин и Окаемов искали способ выбраться из лагеря, окружной отдел пропаганды с разрешения фельдкомендатуры приступил к созданию концертных бригад. Так в Пропойске и Рославле возникли ансамбли песни и танца.

Лузенин и Окаемов согласились возглавить хоровую труппу. При этом им пришлось выдерживать большую борьбу с гауреднером (окружным пропагандистом) Дитмаром в отношении репертуара ансамбля. Дитмар требовал включить в программу выступлений антисоветские песни, написанные композиторами из числа белогвардейцев и буржуазных нацистов, песни типа кафе-шантанной, а также фашистские в переводе на русский язык. Отказ Лузенина и Окаемова включить в репертуар ансамбля антисоветские и фашистские песенки едва не стоил им жизни. Свой отказ мотивировали тем, что они не эстрадные артисты, а певцы, исполнители серьезной камерной музыки. Это их спасло.

Но все же им пришлось сделать уступку гауреднеру и согласиться выступать в церквях. Дело в том, что окружной фельдкомендант оберст (полковник) Фишер был набожным человеком. Наряду с выполнением своих основных обязанностей палача он усиленно насаждал различные культы в округе. Россию считал безбожной страной, а советских людей — атеистами.

На одном из совещаний районных бургомистров и начальников полиции Фишер разразился тирадой о наказании Господом Богом этой дикой, варварской страны. Провидением свыше, говорил он, предназначено немецкому народу, арийской расе, установить во всем мире высшую культуру. Русские мужики должны замаливать свои грехи, просить у Господа Бога прощения. А чтобы было где замаливать, приказал срочно открывать церкви, молитвенные дома. Его изречение: «Пусть эти дикари посещают божьи дома, а не пополняют большевистские банды» — стало руководством к действию для его подчиненных.

Оберст Фишер требовал, чтобы созда-

ваемый хоровой ансамбль чаще выступал в церквях. Лузенину и Окаемому было предложено на выбор — или согласиться выступать в церквях, или обратно в лагерь. Другого выхода не было, пришлось согласиться.

Подпольная организация лагеря санкционировала создание ансамбля.

— Так, так! Кроме того, что развлекаете наших врагов, вы еще одурманиваете население своими песнями-молитвами, — заметил я.

— Нет, — возразил Окаемов.

— Как это понимать?

— Вы мне не верите?

— На каком основании я должен вам верить? Все это слова, а доказательств никаких. Так мне может сказать и начальник полиции, что он в душе партиот, а попадись я ему в руки — вздернет на первой перекладине.

У Окаемова невольно вырвались слова:

— Боже мой.

Видно было, что он волновался: менялся в лице, ему стало жарко, сбросил шапку, и русые волосы от частого прикосновения руки быстро превратились в подобие напех сложенной соломы.

— Успокойтесь. Не такое теперь время, чтобы обмениваться любезностями.

— Я понимаю... я не обижаю. Мне только больно... Выслушайте меня.

Мне стало жаль этого человека. Его неподдельное волнение, перенесенные муки в лагере, ненависть к врагам, топчущим нашу землю, уничтожающим все созданное советскими людьми и самих людей, оскверняющим все дорогое и милое нашему сердцу, говорили о том, что ему нужно верить. Но иначе я поступить не мог — надо было проверить человека.

Наконец Окаемов успокоился и продолжил рассказ. Он москвич, работал в филармонии, а церковная служба немного знакома с юных лет. Его отец был священником. Его друг Геннадий Лузенин — уралец, из Перми. Сын потомственного рабочего. Талантливый дирижер и музыкант. Ненавидит фашистов. Они — друзья, вместе создавали фронтный ансамбль. За Лузенина ругается, как за себя самого.

Они поддерживают связь с подпольщиками лагеря, в частности, с доктором А.П. Макаровым и военнослужащим Н. Кулешовым. Имеют возможность слушать Москву, распространяют сводки Совинформбюро. Потихоньку ведут против фашистов агитацию среди населения. Слышали про партизанский отряд, про подпольный райком партии. Пытались установить связь с партизанами или местными подпольщиками, но это им не удалось. Потом слышали о разгроме партизанского отряда и гибели секретаря подпольного райкома партии.

Позднее познакомились с учительницей Антониной Родионовной. Оказалось, что подпольный райком партии и партизаны существуют. Он и его друг Лузенин очень обрадовались, когда узнали, что можно встретиться с подпольным центром. Но в коллективе ансамбля случилась страшная, непоправимая беда. Арестовали артистку Лидию Бархатову, у нее нашли сводки Совинформбюро. В СД допрашивали Лузенина, Окаимова и других участников ансамбля. Были на очной ставке с Бархатовой, но она, избитая, в порванной одежде, вся в синяках, твердит одно — листовки нашла случайно на улице и не успела еще прочитать. Очную ставку устраивали, а на свидание с ней не пускают.

Сведения из двух источников о поведении руководителей ансамбля Лузенина и Окаимова, продолжительный разговор с последним убедили нас в том, что этим людям можно верить. Посоветовавшись с членом подпольного райкома партии Василием Шавликовым, я решил использовать их в борьбе с врагом. По характеру своей работы, связанной с постоянными разъездами по городам и районам округа, они подходили нам как нельзя лучше. Через них мы могли наладить надежную связь с местными подпольщиками, вести разведку.

— Итак, Александр Иванович, вы и ваш друг Лузенин согласны включиться в активную борьбу с врагом и принять партизанскую присягу на верность Родине и советскому народу?

— Да, да! Согласны! Это цель нашей жизни. Это наша заветная мечта...

— Помните, подпольщик должен быть

немногословен, лаконичен и, главное, должен быть конспиратором, волевым, мужественным человеком. Умеющим подчиняться железной дисциплине. Никакого своеволия и нарушения приказов. Познакомьтесь с текстом партизанской присяги и, если вы согласны вступить в ряды народных мстителей, поставьте свою подпись. То же должен сделать ваш друг Лузенин и те из ансамбля, в ком вы уверены и кому доверяете.

Надо было видеть Александра Окаимова, когда он читал и подписывал текст присяги! Весь преобразился, лицо стало торжественно-одухотворенным, глаза искрились радостью и немного слезились. Он выпрямился, как по команде «смирно». Все присутствующие невольно подтянулись, как и подобает в подобных случаях.

— От своего имени и от имени друга, Геннадия Павловича Лузенина, я благодарю нашу Коммунистическую партию, Советское правительство за оказанную нам высокую честь и доверие. Мы как бы снова возродились и очистились от скверны, восстановили свое доброе имя.

На этот раз я не сделал замечания Окаимову за его сравнительно длинную, торжественную речь.

Дальше пошел разговор о правилах конспирации, об обязательном их соблюдении, о ненужном и необдуманном риске, о личном поведении в окружении врагов, при встрече и разговоре с ними. Был установлен пароль для связи, подобрано несколько «почтовых ящичков». Наконец было сказано, что скоро в Черикове появится человек, с которым их познакомят и под началом которого они будут работать.

Мы имели в виду журналиста и поэта Ивана Филипповича Денисенко.

Гибель патриотов

Выполняя сложную и опасную работу по распространению печатных изданий и сбору разведывательных данных, Александр Окаимов и Геннадий Лузенин настойчиво просили дать им мины и другие взрывчатые вещества для совершения диверсий. Учитывая их нелегкий и опасный труд как

разведчиков, мы не разрешали заниматься им диверсионной работой. Но запрет вскоре пришлось снять. Окаемов и Лузенин убедили Денисенко, что они смогут совершать диверсии. Нашлись и веские доводы. Если их поймут гитлеровцы с листовками, не миновать пыток и смерти. Так какая разница — нести листовки или мины? Если они в одном месте могут оставить листовку, то почему в другом не подложить мину? А у них есть возможность подкладывать мины не только под автомашины, но и под вагоны и цистерны с горючим или оставлять в немецких помещениях.

Правда, их вещи часто проверяли по дороге. Но друзья умели так прятать листовки, что гитлеровцы ни разу их не нашли. Ложили их под нижнее белье, иногда вместе с афишами, которые были у сопровождавшего их немца.

Со второй половины декабря 1942 года Окаемов и Лузенин включились в диверсионную работу. За декабрь 1942 и январь 1943 годов им выдали около десятка магнитных мин, которые они использовали в Кричеве, Климовичах, Костюковичах и других городах.

Связная подпольного райкома партии Антонина Зеленкова вспоминает такой случай. Явилась однажды к Окаемому и Лузенину на очередную встречу. Получила от них информацию и передала им новое задание. Встреча состоялась на улице около здания почты. По условиям конспирации нельзя долго быть вместе, но Окаемов при прощании долго не отпускал ее руку, порывался что-то сказать, однако Лузенин посмотрел на него в упор и отрицательно покачал головой.

— Ладно, — сказал Окаемов, — подробности говорить не буду, но следите за Кричевом, он скоро взлетит на воздух. Возможно, мы видимся в последний раз.

В руке Зеленковой осталась записка. В ней было написано: «Помните о нас. Артисты Окаемов и Лузенин. Москва». Записка теперь хранится в Кричевском краеведческом музее.

Конечно, слова Окаемова о том, что Кричев взлетит на воздух, были приувеличением, но не без основания. Речь шла о том,

что Окаемов и Лузенин решили взорвать зал во время концерта, на котором присутствовали гитлеровцы да кое-кто из высоких чинов местной администрации. Слова Окаемова «Возможно, мы видимся в последний раз» были вполне реальными. Александр Окаемов и Геннадий Лузенин шли сознательно на явную смерть. Они заминировали сцену, на которой находились сами.

Обычно в первой части концерта выступал русский хоровой ансамбль. Во второй части выступала немецкая концертная труппа. Мину завели на 9 часов вечера. В это время на сцене должна была находиться немецкая труппа. Но мина могла сработать и раньше. Подпольщики шли на риск.

К сожалению, когда взорвалась мина, в зале никого не было. До окончания концерта была объявлена воздушная тревога. Все присутствующие укрылись в бомбоубежище.

Окаемов и Лузенин шли на самопожертвование. Они рассчитывали на большой политический эффект. Если бы взлетели на воздух немецкие чины, эффект был бы большим, чем взрыв склада боеприпасов, горючего материала или эшелона.

После этого случая им категорически было запрещено без разрешения подпольного центра заниматься диверсионной работой. Их деятельность как разведчиков и связных приносила и так немало пользы.

Многие подпольщики считали распространение листовок, сводок Совинформбюро, присылаемых с Большой земли, газет и других агитационных материалов рядовым, обыденным делом. Внешне получалось не так эффектно, как, например, взрыв того или другого объекта. Но подпольщики иногда забывали о том, что немцы боялись слова правды не меньше, чем вооруженного нападения партизан. Окаемов и Лузенин тоже считали разведку и распространение листовок делом обыденным. Им хотелось сделать для Родины что-то более значительное, внешне ошутимое.

Между тем они были незаменимы как разъездные разведчики и агитаторы. Сообщили партизанскому командованию немало ценных сведений. Установили точное расположение немецких складов с боепри-

пасами, снаряжением и продовольствием в треугольнике между рекой Сож, железной дорогой и шоссе. Летом 1943 года эти склады разбомбила советская авиация.

Рискуя жизнью, Окаемов и Лузенин подкладывали магнитные мины под цистерны с горючим и вагоны с боеприпасами на железнодорожных станциях Кричев, Климовичи, Рославль и Костюковичи.

Так действовали патриоты. Но им казалось этого мало.

Окаемов и Лузенин быстро сходились с незнакомыми людьми. Это явилось одной из причин их гибели.

Александр Окаемов был особенно горяч, часто вступал в спор даже с немецкими чиновниками и офицерами. Геннадий Лузенин сдерживал своего друга, но не всегда ему это удавалось. Кричевский комендант часто устраивал вечера для своих приближенных, для приезжавшего разного рода начальства. В таких случаях вызывались певцы, которые должны были развлекать пьяную компанию. Окаемому и Лузенину задавались провокационные вопросы, в их присутствии в оскорбительном тоне говорилось о нашей культуре, партии, государстве, Красной армии. У Окаемова не всегда хватало выдержки. К его счастью, гитлеровцы не понимали русского языка. Иначе его немедленно передали бы в СД. Комендант лучше других знал русский язык и кое-что мог разобрать из реплик Окаемова. Это также явилось одной из причин гибели двух патриотов.

С осени 1942 года за Окаемовым и Лузениным была усилена слежка. Шпики постоянно находились около их квартиры. В поездках по городам их сопровождал Хенке из окружного отдела пропаганды, знающий русский язык.

Наконец предателю Макаренко в городе Кричеве, где постоянно проживали А.И. Окаемов и Г.П. Лузенин, удалось войти к ним в доверие. К счастью для всего подполья, провокатор знал только о некоторой деятельности двух друзей — о их работе в Кричеве да патриотических разговорах.

9 или 10 февраля 1943 года Окаемова и Лузенина арестовали. Их посадили в оди-

ночные камеры. Долго пытали, требуя признаний и выдачи подполья. Ничего не добившись, их посадили в общую камеру смертников.

Вместе с ними в этой камере находился Иван Васильевич Мордовин. Он прислал мне свои воспоминания в 1964 году. Иван Васильевич сообщил, что ему и еще нескольким товарищам за 10 часов до казни удалось бежать. Окаемов и Лузенин остались в тюрьме. «Они по-братски попрощались с нами, — пишет И.В. Мордовин, — и пожелали нам счастливого побега и удачи». Почему они не бежали? Александр Окаемов пытками и истязаниями был настолько обессилен, что не мог самостоятельно ходить, да к тому же был без обуви. Геннадий Лузенин был физически крепче, но решил не оставлять своего друга и разделить с ним его участь.

В лютой мороз февральским вечером их вывели за реку Сож, в урочище Прудок. От шоссе, где остановилась машина, было километра два до места казни. Избитые и окровавленные, причем Окаемов запел «Орленка». Его голос зазвучал в вечерней тиши как призыв к действию и борьбе. Его поддержал Геннадий Лузенин. Песню друзей оборвала автоматная очередь.

Невольной свидетельницей трагической гибели Окаемова и Лузенина оказалась колхозница Екатерина Ильинична Терентьева. Ее дом стоял у самой дороги, и она часто видела, как по ней вели людей на расстрел. Видела и московских артистов. Слышала их последнюю песню.

Позже останки Окаемова и Лузенина были перенесены в братскую могилу в центр Кричева. На том месте возвышается памятник. На нем мемориальная доска с именами погибших. Общественность Кричева увековечила память об А.И. Окаемове и Г.П. Лузенине, назвав улицы их именами.

Все, кто знал этих замечательных людей — Александра Окаемова и Геннадия Лузенина, с благодарностью вспоминают их дела.

Г.А. Храмович.

Друкуецца па кн.: Зарэво над Сожем, Мн., 1971. С. 5—62.

* * *

...Первым исполнителем песни «Орленок» стал Александр Окаемов. Песня-пароль, песня-магнит, притягивающая к себе сильных духом, идущая рядом с ними...

...Но не убита песня, и в память о московском артисте 25 марта этого года в Кричеве собрались ребята из Москвы, Новороссийска, Петрозаводска, Саратова, Кирова, Перми. Кричевский туристско-краеведческий клуб проводил операцию «Орленок».

Ю. Михайлова.

Учительская газета. 1978 г., 15 апреля.

З пiсьмаў у Крычаў, адрасаваных удзельнікам аперацыі «Арляня».

«Говоря об ушедших, мы продлеваем их жизнь. Если посеянное добро дает ростки в

той или иной форме сегодня, то в этом заслуга таких людей как А.И. Окаемов и Г.П. Лузенин».

Иван Козловский,
народный артист СССР.

«...Их жизнь была прожита, как одно мгновение, как тревожная и волнующая песня, и потому навсегда останутся в нашем сердце светлые имена артистов Александра Окаемова и Геннадия Лузенина.

Быть верным памяти героев, и жизнь свою сверять по их подвигу – вот что хочется пожелать каждому участнику операции «Орленок».

Александра Пахмутова,
композитор.

З пачуццём выкананага абавязку

З успамінаў былога камандзіра асобнага партызанскага атрада № 48 Аляксея Лазаравіча Гаўрыленкі

Родился я 16 ноября 1913 года в рабочем поселке Смоянка Донецкой области в семье шахтера, окончил в городе Витебске рабфак. На Кричевщину приехал в 1931 году, работал в совхозе «Борец». После службы в Красной армии, где получил воинское звание младшего лейтенанта, был избран секретарем комсомольской организации цементного завода.

В начале июля 1941 года меня вызвали в райком партии и предложили остаться на станции Кричев для подпольной работы. В городе, кроме меня, для подпольной работы остались Матвей Каинов – кандидат в члены ВКП(б), И.Г. Большунов с группой, Владимир Волков, Николай Белоусов, Федор Журавков, Винокуров.

В мое распоряжение ещё до оккупации района дали Степана Григорьевича Майорова – радиста с рацией для связи с Москвой. Меня и Степана перевез на цементный завод на подводе под сеном Виктор Давыденко из села Костюшковичи.

Первое время мы изучали обстановку и

все сведения о противнике. Степан Майоров передавал эти сведения в Москву. Первое время рация была установлена на погребке, возле дома Майоровых. Сведения собирали я и сестра Майорова Варя. В ноябре 1941 года в поселок цементного завода прибыли оставленные для подпольной работы из группы Большунова Волков, Белоусов, Журавков, Винокуров. В декабре того же года нашу группу пополнили Григорий Штолик, Андрей Атрашкевич, Валентин Пильников, Родион Федосенко.

У меня в квартире был радиоприемник, и я имел возможность слушать сводки Совинформбюро, записывал все, а распространяли листовки подпольщики нашей группы среди населения и военнопленных. Впоследствии этот приемник находился у В. Пильникова и передан был им в 1943 году в райком партии.

В конце декабря или начале января 1942 года Волков, Белоусов, Журавков и Винокуров были арестованы гестапо и расстреляны. Кто их предал, мне неизвестно.

Кроме нашей группы, с декабря 1941 года действовала подпольная группа в селе Костюшковичи. Её организовал С.С. Давыден-